

Праведностью мир держится

Тема нравственности

в контексте школьного литературного образования

Александр ШУРАЛЁВ, заместитель директора по учебно-воспитательной работе средней школы № 19 им. Б.И. Северинова г. Уфы

Правда и справедливость, к которым восходит значение слова “праведник”, испокон веков были на Руси основополагающими нравственными идеалами: “Всякая неправда — грех”, “Бог правду видит”, “Правда живёт у Бога, а кривда на земле”, “Лжей много, а правда одна”, “Правда сама себя очистит”, “Правда светлее солнца”, “Правда дороже золота”, “Всё минется, а правда останется”... Жить праведной жизнью — значит жить по правде, по совести, по-доброму. (“Добрая совесть — глаз Божий”), достойно с чистой душой (“Душа всего дороже”, “Душа — всему мера”), смиренно, скромно (“Смирение — Богу угождение, уму просвещение, душе спасение, дому благословенье и людям утешение”).

Наряду с идеалами правды, добра, справедливости, праведность вбирает в себя и нестяжательство, преобладание духовно-нравственных мотивов жизненного поведения над материальными интересами. “Отвергая стяжательство и накопительство, осторожно и с достоинством принимая богатство и деньги, трудовой человек выдвигает свой идеал — идеал скромного достатка, при котором и самому можно жить сносно и помогать своим близким” (О.А. Платонов).

В сознании народа Древней Руси понятие достатка, сытости было связано только с трудом, с работой, личными заслугами. “Как поработаешь, так и поешь”, “Каковы сами, таковы и сани”.

Праведный, трудолюбивый, совестливый человек чужд и стяжательства, и зависти, он добр, щедр, довольствуется малым и всегда готов помочь ближним: “От трудов праведных не наживёшь палат каменных”, “Лучше жить в жалости, чем в зависти”, “Не тем богат, что есть, а тем богат, чем рад”...

Век за веком, испытывая всё нарастающее влияние худших образцов западной цивилизации с её культом наживы, насилия и бездуховности, российское общество капля за каплей проливали и расплёскивало вместе с кровью своих граждан святую воду истинной культуры, драгоценный сосуд которой в XX веке разбился.

Сумеем ли мы собрать его осколки, создать из них единое целое, наполнить собранное живительной влагой возрождённого благонравия или окончательно погрязнем в грехах? Найдём ли в себе духовные силы противостоять разнузданным “дьявольским соблазнам” рекламно-выпяченного западного образа жизни, повсеместно вытесняющего из нашего больного сознания последние отголоски исторической памяти о родной культуре? От этого зависит, какой будет Россия в третьем тысячелетии.

Сегодня, как никогда, необходимо пристально обратить наши взоры к “неизмеримой глубине” классической отечественной литературы, в которой тема праведности светит со страниц нескораемых рукописей “неугасимой лампадой”, не меркнувшей во тьме мракобесия.

Очень важно, чтобы наши ученики не отнеслись к литературным образам праведников с пренебрежением и неверием, как к чему-то безнадежно “устаревшему” (именно с такой пометой давалось толкование этого слова в словаре С.И. Ожегова), сказочно-вымышленному, в реальной жизни не существующему, ненужному и даже наивно-глупому, непрактичному, бесполезному, а, проникаясь их жизнеспособностью, правдивостью и святостью, научились “сердечному созерцанию” (И.А. Ильин), оживили в своих сердцах “дух смирения, терпения, любви и целомудрия” (А.С. Пушкин).

“... Было много споров о вере и благочестии, за этими спорами у людей разгорались страсти, возникали распри и ссоры, а от этого выходило, что хотя все заботились о благо-

чести, но на самом деле не было ни мира, ни благочестия.

Напротив того, в низших людях... было много самых скверных пороков, про которые и говорить стыдно, а в высших лицах царило всеобщее страшное лицемерие. Все притворялись богобоязненными, а сами жили совсем не по-христиански: все злопамятствовали, друг друга ненавидели, а к низшим, бедным людям не имели сострадания; сами утопали в роскоши и нимало не стыдились того, что простой народ в это самое время терзался в мучительных нуждах...

И нередко случалось, что бедные люди даже умирали с голода у самых дверей пировавших вельмож. При этом простолюдины знали, что именитые люди и сами между собой беспрестанно враждовали и часто губили друг друга...

Как сверху, так и снизу всё общество было исполнено порчей”, — так начинается повесть Н.С. Лескова “Скоморох Памфалон”, художественно раскрывающая глубокий смысл афоризма Б. Паскаля “Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками”.

Как поступить честному человеку, чтобы “Вечность впусте не была”: уйти от грешных людей, освобождаясь от власти и богатства, найти уединённое место, где бы “никто не мешал уберечь себя в чистоте и святости для прохождения богоугодной жизни” или находиться в самой гуще пороков, где “пьют вино и предаются беспутствам”, но при этом жить с всегда открытыми дверями дома и сердцем в груди для любого нуждающегося в помощи и приюте живого существа?

Подобно Иисусу Христу, омывшему ноги своим ученикам перед трапезой Тайной Вечери, ответившему на провокационный вопрос фарисеев о своём пребывании среди грешников и блудниц: “Врач нужен не здоровым, а больным”, смиренно принявшему удары и плевки от озлобленной толпы, которая вела Его на казнь, скоморох Памфалон, не боящийся, а любящий Бога, называющий себя “дегтярной бочкой”, негодной дрянью, которую ничем уже не исправишь”, оmyвает ноги пришедшему к нему Ермию, кормит гостя всем, что у него есть из пищи; отдаёт “всё, что имеет” для спасения попавшей в беду Магны; стойко переносит жестокие побои медным прутом от слуг, радуется честности своего друга Магистриана, забыв про собственную боль; помогает самолюбивому старому отшельнику, думающему только об одной своей душе, стереть грех его жизни — “самомненье”. Под скоморошьими румянами Ермию открылось тихое и прекрасное ангельское лицо истинного праведника...

Способность облегчить чужую боль, восходящая к великой жертве Спасителя, искупившего грех рода Адамова, — качество качеств праведности, присущее пушкинскому Гринёву, в одиночку отправившемуся в занятую пугачёвцами Белогорскую крепость, где была заточена осиротевшая Маша Миронова, и лесковскому Флягину, вступившемуся за притесняемую и обижаемую девушку-фею, и горьковскому Цыганку, подставлявшему свою руку под розги во время наказания Алёши, и гриновскому Грёю, плеснувшему на свою руку кипящий суп и замазавшему голубой краской рану от гвоздей на руках изображённого на картине распятого Христа, и шолоховскому Андрею Соколову, у которого война отняла всё, кроме человечности...

Искренняя любовь к детям, восходящая к евангельскому “Будьте, как дети”, — ещё одна черта праведности.

“Утереть слезинку ребёнка и облегчить его страдания есть дело любви”, — писал Н.А. Бердяев. Искалеченный жизнью Андрей Соколов дарит великое счастье быть сыном потерявшему родителей Ванюше, чтобы его глазёнки были ясными и чистыми, “как звёздочки на небе ночью после дождя”. “Главное — не ранить сердце ребёнка” (М.А. Шолохов). Так поступали и чуждая корысти, всем и всегда помогающая бесплатно Матрёна из рассказа А.И. Солженицына “Матрёнин двор”, схоронившая шестерых своих детей, не скопившая имущества, но воспитавшая приёмную дочь Киру, и платоновский помощник кузнеца Ефим Дмитриевич, прозванный Юшкой, безропотно терпевший побои и насмешки односельчан, пивший одну воду, носивший долгие годы одну и ту же одежду без сме-

ны, тративший все свои сбережения на обучение и воспитание приёмной дочери-сиротки, и бунинский Нефёд, ушедший в свой последний путь в “бездну снежного урагана и мрака” добывать красные лапти, которые в бреду просил тяжело больной ребёнок...

Праведники, как и малые дети, лишённые злопамятства, мстительности и злобы, они не отвечают на зло злом, не утрачивают веры в людей, даже теряя всё, что у них есть, подобно библейскому Иову, не ожесточаются и продолжают любить и Бога, и ближних, и врагов своих...

Такое безграничное, запредельное милосердие показано в стихотворении Юрия Кузнецова “Русская бабка”:

Утром фрицу на фронт уезжать,
И носки ему бабка связала.
Ну совсем как немецкая мать,
И хорошее что-то сказала.
Неужели старуха права
И его принимает за сына!
Он-то знал, что старуха — вдова.
Сыновья полегли до едина.

— На, возьми,— её голос пропел,—
Скоро будут большие морозы! —
Взял носки, ей в глаза поглядел
И сдержал непонятные слёзы.

Его ужас три года трепал,
Позабыл он большие морозы.
Только бабку всегда вспоминал
И свои непонятные слёзы.

Поступок этой простой русской женщины находится за той гранью, где кончается сиюминутное, брэнное и начинается вечное, непреходящее. Его не взвесить на наших привычных весах с наспех сделанными чашечками “хорошо” и “плохо”, потому что они для этого непригодны, как непригодны весы мясника для взвешивания крупинок золота.

Во все времена среди нас были и есть такие люди, не поддающиеся “злобе дня”, никогда и ни при каких обстоятельствах не принимающие чудовищный принцип “око за око, зуб за зуб”, не делящие окружающих людей на “своих” и “чужих”, “друзей” и “врагов”, а в каждом (кто бы он ни был) видящие прежде всего человека — творение, образ и подобие Божье и поэтому относящиеся к нему с любовью. Они подобны бакенам на реке. Теплоходы перевозят пассажиров и различные грузы, преодолевают огромные расстояния, а бакены стоят и днём и ночью на одном месте и вроде бы ничего особенного-то и не делают. Но благодаря им, корабли не сбиваются с курса и не садятся на мель. Так и мы, благодаря этим внешне неприметным людям, когда на нас накатывают волны злобы, всё-таки окончательно не теряем обозначенные ими нравственные ориентиры, и человечество, находясь на краю самоуничтожения, просветляется и продолжает жить.

Праведники — это своего рода нравственные громоотводы. Не отвечая криком на крик, ударом на удар, принимая огонь на себя, закрывая своей грудью амбразуру, источающую ненависть, они поглощают отрицательную энергию и преобразуют её в положительную. “Потом Юшку похоронили и забыли его. Однако без Юшки жить людям стало плохо. Теперь вся злоба и глумление оставались среди людей и тратились меж ними, потому что не было Юшки, безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство”.

По какому пути пойдёт современное молодое поколение? За Антошкой Григорьевым, старательно везущим в своё хозяйство, возможно, на тех же самых санках, на которых ещё недавно привезли с переезда останки праведной Матрёны, символическую деталь — “внутренний забор”, отгораживающий от проникновения культурных семян добропорядочности пустырь его души, где ныне особенно буйно произрастает дикий, но обманчи-

во-привлекательно-яркоцветный бурьян сладострастия? Или за приёмной дочерью столь “несовременно”, кроткого и милосердного Юшки, бескорыстно лечащей и утешающей больных людей, “не утомляясь утолять страдание” человеческое?

Однажды древний философ шёл по улице со своими учениками. Навстречу ему попала женщина лёгкого поведения, которая с усмешкой посмотрев на него, сказала: “Вот ты на протяжении долгих лет учишь их добродетели и праведности, а стоит мне только подмигнуть, и они, вмиг забыв твоё учение, пойдут за мной”. На что философ спокойно ответил: “Спускаться вниз легче, чем подниматься вверх”.

Возделывать пустырь, удобрять “мёртвую глину”, безусловно, труднее. Это большая работа души — захотеть, “чтобы и на пустыре земля стала доброй”. Тогда и маленький цветок праведности, растущий среди голых камней и сухой глины, “отдохнёт, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие”.

Верящий в чудо возрождения России Ф.И. Тютчев более ста лет назад писал:

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.

И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.

И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живёт,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдёт.

Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни
строгих,
Как вы, умел, любя, страдать.

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.

* * *

“Претерпевший же до конца спасётся” (Мф. 24, 13).